

Считаете ли Вы, что влияние христианства в России возросло? Если да, то почему? Если можно говорить о возрождении христианства, то что именно возрождается: доктрина, культ с обрядностью, этическое учение Церкви или христианство как часть русской идентичности?

Мне трудно судить о том, насколько христианство сейчас влияет на судьбы России. Впечатление у меня такое, что интерес и отзывчивость к духовным ценностям возросли, что люди гораздо больше, чем в какой-либо минувший период, воспринимают законность этих ценностей, понимают, что можно быть культурным человеком и современным человеком, не отрицая духовную область, что не обязательно быть материалистом для того, чтобы быть человеком нашего времени. С другой стороны, люди еще не обнаружили того, что, если уж говорить о материализме, христианство – единственный совершенный материализм в том смысле, что материалист рассматривает материю как строительный материал, тогда как для нас, из-за воплощения Христа, в Котором *вся полнота Божества обитала телесно* (Кол. 2, 9), материя получила какое-то абсолютное значение, это святыня. И в этом смысле мы могли бы перебросить мост между христианским, православным мировоззрением и неверующими, показав им, что образ человека слишком мелкий в материализме и что самая материя ими унижена, что она имеет громадный потенциал, о котором они даже не подозревают: обожение, пронизывание – как в таинствах – Божественным реальным присутствием.

Я думаю, что причина, почему Россия открывается духовным ценностям, и в частности, христианству, в том, что за семьдесят лет люди изголодались. Нельзя жить только телесностью, материальной жизнью (причем, порой чрезвычайно трудной) и чисто умственными выкладками, – и опять-таки, очень ограниченными ввиду того, что они должны были совпадать с определенной идеологией и не могли переступить какой-то порог. И ещё (и это связано с вопросом, который Вы дальше ставите, когда спрашиваете, что именно возрождается): русское православие, русское христианство с самого начала было **благочестием**, то есть способностью поклоняться Богу, Который воспринят нутром. Богословие, доктрина принадлежали определенному кругу людей, но в целом русское православие – это православие молитвы, а также и богослужения, в которых сочетаются разные стихии. С одной стороны, очень большая красота; Платон говорил, что красота – это убедительная сила истины. Когда вы не можете о чем-нибудь сказать: “Как прекрасно!”, это значит, что до вас не дошло, это объективный факт вне вас. И поэтому красота, величие православного богослужения – это не просто “инсценировка”, это выражение народного духа в форме красоты вещей, воспринятых духовно нутром. С другой стороны, есть, конечно, опасность обрядоверия. Это риск большой, потому что очень легко считать обряд самодовлеющим или переживать обрядовую сторону богослужения и пройти мимо какой-то глубины содержания. Но тем не менее, мне кажется, что возрождение христианства в России связано главным образом с тем, что в России Бог, Христос, вся реальность христианства воспринималась как личный духовный опыт, которым люди делились, то есть который был и общий, и невыразимо-личный. И в этом, мне кажется, есть большая сила, потому что если бы христианство было только мировоззрением, оно не могло бы охватить любые слои народа, а только лишь привилегированный, интеллектуальный или эстетический класс; а здесь это глубокий личный опыт.

Но с этим связано и другое: еще Лесков говорил в XIX веке, что Русь была крещена, но никогда не была просвещена. То есть религиозного, духовного образования не было дано, и поэтому опыт, который внутри клубится невыразимо, никогда не был – для широкого народа, я не говорю: для богословов – оформлен так, чтобы он мог, с одной стороны, быть выражен, с другой стороны – быть защищен, и еще – обогащал бы человека в другой области, нежели просто сердце. Максим Исповедник говорил, что богослов тот, у кого сердце – как пламя, а ум – как лед, то есть, кто может холодно, строго думать, но – думать на основании пламенения. И вот это сейчас громадная проблема перед нами.

Когда Вы употребляете слово “доктрина” – если это понимать как учение о Боге, о Христе, о Церкви, о таинствах, о человеке, о материи, которое выражает собой с силой и глубиной внутренний опыт – да; если это умозрение некоторых богословов, которое, можно сказать, порой бывает похоже на высшую математику, недоступную никому, или на абстрактное искусство, о котором художник-абстракционист Ланской говорил: это язык, на котором только один человек может говорить и три или четыре человека понимать, – конечно, это не наша линия. Но нам надо все больше найти способы выражать **весь** внутренний опыт, личный и коллективный, в таких формах, которые его бы не унижали, которые были бы духовны. И это не просто доктринальное обучение.

Чем очень страдает, мне кажется, христианство везде, и в России тоже, это этическая сторона. Я говорю “везде и всегда”, потому что еще апостол Павел писал в одном из своих посланий: *Имя Божие хулится ради вас* (Рим. 2, 24). Если мы не живем в уровень того, что проповедуем, то мы просто отрицаем видимо, очевидно перед людьми правду, которую мы будто исповедуем. Я помню первого секретаря

Всемирного Совета Церквей, который говорил, что можно быть еретиком жизнью, исповедуя всю истину на словах, потому что если твоя жизнь расходится с этой истиной, ты изменил своей вере. И вот это – проблема, которая, мне кажется, стоит сейчас очень остро. Какие-то основы веры надо проповедовать, какие-то истины веры должны быть объяснены и усвоены; но, с другой стороны, как говорили некоторые древние писатели, понимание Евангелия происходит через исполнение того, что оно говорит. Если мы только его читаем и восхищаемся его красотой, то мы до истины его не можем прийти; и вот это большая проблема для современности. Это должно бы быть проповедью каждого священника, каждого епископа: живи согласно твоей вере. Как говорил апостол Иаков: *Ты мне покажи свою веру без дел твоих, и я тебе покажу мою веру из дел моих* (2, 18). Если это не осуществится, если соединение духовного опыта и доступного, но чистого, истинного умственного выражения (выражения и этого опыта, и этого понимания в красоте) не будет осуществлено в жизни, то никто не сможет поверить христианству в конечном итоге.

А о христианстве как о части русской идентичности Вы, Владыко, ничего не хотите сказать?

Я просто пропустил. Я думаю, что отождествление христианства с русской идентичностью дает преувеличенное представление о русской идентичности; на самом деле христианство ее значительно превосходит. Русская идентичность была в очень значительной мере вдохновлена и оформлена христианством, но русское христианство не обязательно является полнотой христианства всего мира. Мы не можем говорить о том, что мы должны его привить всем странам на свете. И я думаю, что говорить о совпадении русскости и православия – это унижение Божественного, вечного, беспредельного. Еще Нестор говорил о том, что каждый народ должен внести свой голос, как бы музыкальную свою ноту в общий аккорд всего мира в явлении и прославлении Бога; и русский народ может внести свое уникальное, – но это не все: мы должны научиться от других народов тому, что они узнали благодаря тому, что они на нас не похожи. Поэтому говорить о том, что христианство было, есть и может стать в изумительной мере вдохновением, содержанием, формой русской души и жизни – это одно, но сводить христианство или православие к тому, что это – **одно из** выражений русской культуры или русской души или русской идентичности, было бы очень жалко.

Истины христианства неизменны, но в разных исторических ситуациях более важными становятся разные аспекты учения. Какова специфическая весть христианства для сегодняшней России?

Я совершенно согласен с этой постановкой вопроса. Если мы думаем о развитии богословской мысли в христианской Церкви, то мы видим, как оно проходило постепенно. Первое поколение знало Иисуса Христа лично. Сначала Его знали, вероятно, как юношу. Ведь Кана Галилейская и Назарет — на расстоянии нескольких километров: невозможно себе представить, что ребенок или подросток Иисус Христос жил в Назарете, и Его не знал бы Нафанаил, который жил в Кане. Поэтому сначала Его знали просто как живого человека и, вероятно, поразились какой-то неповторимостью Его человеческой личности; а затем постепенно раскрывались перед людьми новые и новые глубины до момента, когда они поняли, **кто** Он: Живой Бог, ставший живым человеком. Это был первичный опыт, абсолютным центром которого был живой Иисус Христос, им знакомый, известный. И когда Христос умер и воскрес, они ходили и говорили о Ком-то, Кого они лично знали. Зов апостольства был обращен к тем кто знал Христа с самого начала, они могли засвидетельствовать всё об этом. А потом стали развиваться. стали ставиться вопросы о том, Кто же Он. Да, Он – Бог, но Он о Себе говорит, что Он Сын Божий; Он говорит о Боге как о Своем Отце; – стали думать об этом Отцовстве. Сошествие Святого Духа было реальностью не богословской, а чисто эмпирической, жизненной. Апостолы стали местом вселения Святого Духа. Они о Нем могли говорить, как только можно говорить о силе, которая тобой движет конкретно и опытно. Поэтому Троическое богословие начало развиваться, делаться более и более четким. Были споры, что было в каком-то смысле очень хорошо. Апостол Павел говорит: у вас будут разделения, с тем, чтобы наиболее мудрые себя проявили (1 Кор. 11, 19). И православное вероучение постепенно, через искания, через полусвет и полутьму, через борьбу школ, мнений, личностей, выкристаллизовало нечто, что держит в некоем равновесии то, что **можно** выразить словом или литургическим действием, и то, чего **никак** не можешь выразить, потому что в конечном итоге, когда встречаешь Бога лицом к лицу, ты только молчать можешь. Английское, немецкое слова God, Gott – от древнего корня, который значит “тот, перед которым падаешь на колени”; вот это последний шаг.

Сейчас делается наиболее насущным то, что если история Ветхого и Нового Завета истинна, если действительно Бог стал человеком, мы можем говорить о человеке совершенно новым языком. Человек не является как бы наиболее замечательной обезьяной, которая научилась тому, чего другие обезьяны не умеют делать; человек – это существо, которое от начала несет в себе Божий образ, которое по своей глубине и широте может стать вместилищем Божества, причем вместилищем не так, как, скажем, чаша вмещает содержимое, а как, опять-таки Максим Исповедник говорил о воплощении, что соединение Божества и человечества во Христе подобно соединению огня и железа. Если меч вложить в жаровню – его вкладываешь бесцветным, серым, мертвым, а вынимаешь раскаленным. И огонь остался огнем, и железо осталось железом, но теперь можно резать огнем и жечь железом. Человек настолько глубок, велик и

таинственен, что он может до конца соединиться с Богом, не переставая быть человеком. И этого ни один материалист не может сказать.

И еще другое. Когда мы говорим о воплощении, как я раньше сказал, воплощение значит, что Божество соединилось с **материей**: это говорит о том, что материя всей вселенной способна на воссоединение с Богом в том неопишемом чуде, которое апостол Павел называет “Бог все во всем” (1 Кор. 15, 28). И мне кажется, что теперь надо говорить гораздо больше, чем раньше, о величии человека, о том, что мы можем верить в человека, **верить** с такой же глубиной и уверенностью, как мы говорим “я верую в Бога”.

И еще можно сказать вещь – меня она очень вдохновляет: это то, что Бог не безумен. Если Он творит какие-то твари, то и не в погибель, и не для того, чтобы изуродовать тот мир, который Он создал. Значит, каждый раз, когда человек вступает в мир, это акт Божественной веры в него: **Бог в нас верит** – и индивидуально, и коллективно, во всё человечество и в каждого из нас. И это замечательная мысль: Бог в нас верит, Бог надеется на все от нас. И об этом мы должны говорить гораздо больше. Потому что мы говорим о Боге вне пропорций с человеком, как будто человек малюсенький, а Бог громадный. Это мы видим на иконах, и это единственный способ выразить величие Божие. Но как часто видишь: Христос восседает, а у Его ног двое каких-то святых, как маленькие мышата. Это не говорит о величии человеческом, а только о Божием величии. И нет у нас иконы, которая показала бы величие человека – кроме иконы Христа: смотри – “Се Человек”, **это** человек: не ты, и не она, и не мы, а Он – Человек, единственный. Если ты хочешь быть человеком в полном смысле, вот этим ты должен быть. И вот это, мне кажется, проблема наших дней, потому что люди изверились в человека. Человек слишком много показал темных своих сторон, и только христианин, я думаю, может верить в человека. Помню, один священник на Западе как-то написал, что когда Бог на нас смотрит, Он не видит ни наших добродетелей, ни наших успехов (которых может и не быть), но в глубине всякого человека Он видит сияющий Свой образ, который может вырасти и заполнить всё – преображением. Вот, мне кажется, о чем надо говорить – в той или другой форме: я **верую** в человека, **Бог** верит в человека.

Наверное, Владыко, это не менее важно и в других странах, или Вы считаете, что это специфически важно для сегодняшней России?

Это важно для всех стран сейчас, потому что мы потеряли сознание величия человека везде. Я говорю об этом на Западе и думаю, что здесь надо говорить об этом гораздо больше. Человек стал политическим зверем, или животным высшего качества; мир превращается в муравейник. Но настоящий муравейник строится очень талантливо, в общем; мы строим наш муравейник гораздо менее талантливо. И я думаю, что христиане должны сотрудничать со всеми другими людьми, доброй или недоброй воли, без разбора, в постройке града человеческого, но прибавляя к этому граду человеческому измерение глубины, широты и святости, чтобы он мог когда-нибудь оказаться градом Божиим, первым гражданином которого был бы Человек Иисус Христос. Это относится ко всему человечеству сейчас, во всяком случае, христианскому или псевдохристианскому.

А что именно для России специфически важно?

Для России, я думаю, сейчас важно возродить веру в человека не как раба или работодателя, не как, скажем, научного гения или участника муравейника, а как неповторимую личность.

Нет человека, без которого вселенная могла бы обойтись, каждый человек – словно камушек в колоссальной, дивной мозаике. Вы знаете, что бывает, если один камушек выпадает: постепенно мозаика начинает трескаться, и все камни выпадают. И поэтому каждый человек – единственный, неповторимый, не только в его знании Бога. Есть замечательное место в книге Откровения, где говорится, что в конце времен всякий человек получит имя, которое только **он** знает и Бог знает (2, 17), то есть имя, которое его выражает всецело и которое выражает то, что его соотношение с Богом неповторимо, что единственно он знает Бога так, как он Его знает. И нам надо постепенно внедрить в сознание людей абсолютную ценность **личности** – не индивида как фрагмента человечества, а именно личности, которая может творчески соотноситься с другими личностями, не теряя ничего и вместе с этим давая всё. Знаете: солнце сияет, от этого светом оно не беднеет, а другие в сиянии света начинают видеть всё по-иному.

Может ли безусловная преданность христианской истине совмещаться с принятием возникшего в Новое время мировоззренческого плюрализма, с серьезным отношением к чужим истинам?

Я думаю, что христианство должно себе отдавать отчет в том, что плюрализм, который сейчас существует и часто антагонистичен христианству, является результатом того, что христианство не дало мировоззрения, которое было бы откровением новой жизни и радости людям. Мы ответственны за то, что люди стали искать других мировоззрений, ибо то, что мы говорили о христианстве, их не могло удовлетворить. Это одно, первое; и в данной ситуации мы должны сознавать, что мы ответственны за все ереси, за все отклонения, за все несовершенства, мы ответственны за то, что люди обращаются и на Восток, и в самые дикие секты, и в политические и общественные мировоззрения – из-за того, что не находят полноты в том христианстве, которое мы проповедуем и которое мы проявили. С другой стороны,

несомненно (то есть, для меня несомненно, конечно, это не обязательно для другого несомненно), если посмотреть на все христианское общество в его разделенности, что нет ни одной христианской группировки, которая (именно потому, что она отделилась от других по признаку какой-то интуиции о том, что то или другое – колоссально важно) не могла бы христианский мир в целом не приблизить к полноте, которая отчасти потеряна. Это относится и к Православию: у нас есть, что давать, но у нас есть и чему учиться и в нравственности, и в делании, и в понимании того, что мы сами проповедуем. Так что я считаю, что плюрализм – это не оскорбление христианству, это множество голосов, которое ставит под вопрос не христианство, а христиан. Бердяев когда-то писал брошюру, которая называлась “О достоинстве христианства и недостоинстве христиан” – вот это-то и есть. Если бы христианство было христианством Евангелия, осуществленного, реального, то все бы говорили: Да, это полнота жизни, этим стоит жить... Но кто может сказать это о русском православии в России, о русском православии за границей или о других вероисповеданиях? Поэтому я думаю, что существование плюрализма ставит нас под вопрос, и мы должны всмотреться в себя каждый раз, когда мы встречаемся со взглядами, мнениями или реакциями со стороны людей, которые знают христианство, но его отвергают. Почему я не сумел это открыть? Почему я не могу им дать то, чего они ищут и что они находят только частично?.. Вот что мне кажется очень важным. И притом – диалог всегда был бы диалогом. В какие-то периоды истории торжество христианского мировоззрения достигалось мечем и огнем. Это не торжество, это просто последнее падение. Скажем, инквизиция как идея (я сейчас не делаю упрека никому в этом, то есть ни католикам, никому, просто инквизиция как подход), что надо человека сломать и заставить думать так или иначе, это грех, это просто преступление, потому что Бог хочет Себе свободно избравших Его друзей, а не рабов. “Я вас не называю больше рабами, потому что раб не знает воли господина своего, Я называю вас друзьями, потому что Я всё вам сказал”, – вот что говорит Христос (Ин. 15, 15). И нельзя ожидать, чтобы всякий человек без искания нашел бы окончательную форму истины, которая соответствует Божественной истине. А искание неизбежно бывает периодами неясно. Ставятся под вопрос вещи, которые в конечном итоге могут быть оправданы, но которые на пути искания должны быть аналитически рассмотрены, постольку, поскольку мы употребляем слова.

И еще одно я скажу. Паскаль молился Богу и говорил, кричал, что не может Его найти, и Бог ему сказал: “Ты бы Меня не искал, если бы ты Меня уже не нашел”. И это я перенес бы на все религии мира. Бога невозможно выдумать. Я не говорю об уродливых формах, которые потом можно придать этому первичному опыту; но когда человек говорит: “Я опытно знаю, что есть Божественная сила”, это значит, что он коснулся хоть края ризы Божественной. И поэтому мы должны относиться с глубокой вдумчивостью к тому, что люди опытно знают о Боге, даже если они выражают это совершенно неприемлемыми формами благочестия или мировоззренческими представлениями. И нам надо быть очень осторожными. Я знаю, у апостола Павла есть место, где говорится, что боги язычников – бесы (1 Кор. 10, 20) – постольку, поскольку они отрицали Христа. Слово “сатана”, как вы знаете, по-еврейски значит “противник”, это не “черти” в нашем понимании. Они противники – да, и те, кто держится этих мировоззрений, особенно если они придерживаются их изуверчески и яростно, ошибаются, но надо заботиться о том, как им открыть бо льшую истину.

Есть рассказ из жизни старца Силуана о том, как он разговаривал с одним из православных миссионеров на Востоке и его спрашивал: Ну как же у вас идет миссия? – Очень неуспешно. Китайцы такие тупые, такие невосприимчивые, ничего не воспринимают. – Силуан говорит: А как же вы с ними поступаете? – Ну, я иду в капище, им говорю: смотрите на свои идолы, сбросьте их, это камень, это дерево, это изуверство! – А что случается дальше? – Они меня из капища выкидывают и остаются при своем... – И тогда ему Силуан говорит: А знаете что: вы могли бы пойти туда, посмотреть, как они молятся, сколько у них благоговения и благочестия, и позвать нескольких из их священников и сказать: давайте сядем на ступеньки и поговорим; расскажите мне о своей вере... И каждый раз, когда они что-нибудь скажут близкое к христианству, вы могли бы им сказать: Как это прекрасно! Но у вас чего-то не хватает. Хотите, я вам скажу? – и прибавить ту солинку, которая может превратить приторность того, что вы слышали, во что-то “вкусное”, живое. Вот, если бы вы так делали, постепенно они усвоили бы очень многое из христианской веры; а когда вы им говорите, что всё, во что они верят, неправда, они не могут согласиться, потому что опытно знают, что многое – правда.

Я долго жил среди людей инакомыслящих, и в течение очень долгого периода у меня было такое радикальное отношение: только Православие – и всё. А постепенно, особенно на войне, я посмотрел, как люди инакомыслящие себя ведут: христианин, может быть, ляжет за кустом, когда стреляют, а безбожник выйдет из укрытия и принесет обратно раненого. И тогда ставишь вопрос о том, кто из них подобен доброму самарянину и Христу Спасителю.

Знаете, меня поражает тоже притча о Страшном суде в этом контексте. Нам всегда говорят: вот, это Страшный суд: козлица туда, овцы сюда... – а какие вопросы ставит Христос? Он не спрашивает людей, веруют ли они в Бога, не спрашивает ничего о том, как они к Нему относятся, Он их спрашивает: Одел ли

ты нагого? Накормил ли голодного? Посетил ли больного? Не постыдился ли признать, что тюремный заключенный – твой друг?” Он им ставит только об одном вопрос: “Ты был человеком – или ты и не человек? Если ты и не человек, то в Царство Божие тебе дороги нет, потому что обожиться может человек; если ты был человеком – вот тебе и путь-дорога.

Мне кажется, что мы так должны бы относиться ко **всем** людям, которые во что-то верят. Даже материалист верит в человека по-своему. У него образ человека с нашей точки зрения очень несовершенный, неполный, но он верит во что-то. И вот – слушай, во что он верит. Часто он верит в какую-то нравственную правду, цельность, которую мы нередко заменяем благочестием. Знаете, гораздо легче человеку, который говорит: “Я голоден”, ответить: “Иди с миром, я о тебе помолюсь”, чем разделить с ним то малое, что у тебя есть.

Что Вы можете сказать о терпимости Русской Православной Церкви к представителям других конфессий, других этнических групп, к неверующим?

Слово “терпимость” можно понимать различно. Можно понимать так: мы их глубоко или достаточно знаем, чтобы не произносить суждение, которое не соответствует реальности, мы с уважением относимся к тому, что эти люди, придерживаясь своих убеждений, ими живут реально, но мы остаемся при своем убеждении, что Православие является наиболее совершенным выражением Евангельского благовествования, хотя относимся к другим с полным уважением и вдумчивостью. Другая форма терпимости заключается в том, чтобы сказать: “Ну да, есть столько различных мнений, – а может быть, и мое никуда не годится...” – знаете, такое компромиссное отношение. Это, я думаю, никому никогда не помогает, потому что, как апостол Павел говорит, если труба не будет звучать ясно, то никто в бой не будет готовиться (1 Кор. 14, 8). И говорить: “Ну да, конечно, ваши взгляды, может быть, и завиральные, но вы хороший человек, и быть может, и мои не такие уж совершенные” – не помогает ни тому, ни другому. Диалог может быть только между людьми, которые **убеждены** в том, о чем они говорят, но готовы слушать другого: не откроет ли он им чего-то, чего они сами не нашли и не знают. Поэтому я думаю, что мы должны относиться с глубоким уважением к людям иной веры или к инакомыслящим, искать в том, что они нам говорят или что явствует из их жизни, обогащения себе и понимания их, и потом, вот как Силуан говорил этому миссионеру, с ними делиться тем богатством, которое у нас есть, которое, может быть, ни вы, ни он, ни она не воплощаем, но которое всё равно остается реальным.

Знаете, есть люди, которые не умеют или не могут воплотить чего-нибудь, но которые могут с убедительностью сказать, что это правда. Я вам хотел бы привести пример. Когда-то нашего священника в Париже немцы арестовали. Его заменил другой священник, который бывал в церкви, но почти никогда не служил, потому что большей частью он приходил вдрызг пьяный. Я тогда был старостой, я его ставил в угол и становился перед ним, чтобы, если он упадет, то упал бы на меня и я мог бы его удержать. Многие его осуждали. Я помню даже интересный разговор, когда он говорил о себе, что он плохой священник, но кто-то другой ему сказал: “Знаешь, ты не плохой священник, ты плохой человек, а священник ты хороший...” И вот я с этим абсолютно согласен, потому что я раз был у него на исповеди (когда настоятеля не было). Я помню, как он слушал мою исповедь. Он слушал из глубины собственного покаяния, и он плакал надо мной – не пьяными слезами, он был вполне трезвый, но он плакал о том, что вот молодой человек двадцати с чем-то лет борется и может тоже разбиться. Я помню, когда я кончил исповедь, он мне сказал: “Ты же знаешь, какова моя жизнь, ты знаешь, что я не имею права говорить о том, как люди должны жить и какими людьми они должны быть, но хотя я недостоин даже говорить об этом, я тебе скажу, что Христос сказал бы на моем месте, потому что ты молод и ты можешь не прийти в то состояние, в какое я пришел...” И он тогда мне говорил из Евангелия. И вот это человек, который для внешнего наблюдателя – ну, пьяница и только, да еще какой позор: поп – да пьёт! А он мог сказать Божию правду из глубины своего **страдания**. Потом я узнал больше о нем. Он вместе с частью Белой армии покинул Крым на одном пароходе, на другом пароходе была его жена и двое детей, и этот пароход утонул; у него на глазах они погибли, а он ничего не мог сделать. И запил. На это кто-нибудь может сказать: а вот Иов не запил, – ну, если вы можете сказать, смеете сказать, что Иов не запил, так вы вырастите сначала в меру Иова: он бы его не осудил. И вот мне кажется, что не нравственное совершенство, не житейское совершенство, а внутренняя правда человека играет большую роль. И поэтому иноверный, инославный, язычник по нашим понятиям, неверующий – если он всем сердцем и умом живет согласно своей вере и верит в то, что говорит, может сказать слово правды, и мы можем научиться чему-нибудь. За это меня можно осудить, но я опять-таки скажу, что я слишком много людей видел достойных, с которыми я никак не могу согласиться, и которыми всё равно восхищаюсь: замечательные люди.

[1] Интервью было взято 11 июня 1990 г. и напечатано в журнале “Звезда” (1991, № 1). Журнал сопроводил публикацию следующими строками: “Нам известно, что в дни Поместного Собора, когда было записано это интервью, рабочий день митрополита Антония Сурожского начинался в предутренние часы, а заканчивался глубокой ночью.

Редакция благодарит митрополита Антония за то, что он нашел возможным ответить на наши вопросы, пожертвовав частью и без того короткого сна. Благодарим также Д.А. Черняховского, взявшего это интервью”.

Поместный Собор в июне 1990 года избрал на Московский патриарший престол ныне здравствующего Патриарха Алексия II. Это был момент, когда казалось, что Русская Православная Церковь будет играть всё большую роль в дальнейшем общественном развитии нашей страны – тогда еще Советского Союза. Вопросы и ответы предвосхищают многие аспекты такого участия Церкви в жизни общества.